

Жуань Чжи впервые ехал в Роллс-Ройсе.

Звездное небо над головой было прекрасно, но он так нервничал, что ладони вспотели. С тех пор как отца забрали, он обошел уже многих людей. Все они старались держаться от него подальше, и лишь этот влиятельный человек согласился помочь. Говорили, что ему уже за шестьдесят и он очень известен в шанхайских кругах, но никто точно не знал, чем именно он занимается.

Машина тронулась от башни Цзинь Мао, сделала большой круг по Луцзяцзуй, проехала через длинный тоннель, свернула на эстакаду и постепенно удалилась от шумного берега реки Хуанпу.

Даже когда они оказались в гостиной, оформленной в французском стиле, Жуань Чжи продолжал тереть ладони. Поздняя осень действительно была холодной, но больше всего его пугала неизвестность. Учтивый дворецкий проводил его к креслу и заботливо спросил, не хочет ли он чаю или кофе.

Жуань Чжи колебался, но тут кто-то заговорил первым:

— Принеси ему горячего молока, побольше сахара.

Зажглась хрустальная люстра, и из-за спины послышался до боли знакомый голос. Жуань Чжи в замешательстве обернулся. В отличие от его представлений о солидных бизнесменах в строгих костюмах, перед ним не было седовласого старика. Мужчина был совсем молодым, высоким, статным и утонченным. На нем был серый поношенный свитер, который сидел как влитой, хотя манжеты слегка протерлись, а брюки и обувь выдерживали стиль кэжуал с легким налетом делового шика.

Фу Цинчжан подошел к дивану, на котором сидел Жуань Чжи, и на мгновение остановился. Было очевидно, что Жуань Чжи совсем не похож на тех, с кем ему приходилось вести дела. У того не было привычки пожимать руки. Он даже забыл встать, просто застыл на месте и глядя на вошедшего.

Фу Цинчжан догадался об этом, и уголки его губ невольно дрогнули в улыбке. Затем он с непринужденным видом опустился в кресло напротив и принялся разглядывать гостя. Увидев выражение лица Фу Цинчжана, дворецкий на секунду приподнял брови. Молодой господин... кажется, он еще никогда так не улыбался? Он вовремя вышел, оставив их вдвоем.

Жуань Чжи все еще пребывал в шоке, но чувствовал, что должен хоть что-то сказать. Он произнес с недоверием в голосе:

— Это вы... Вас зовут Фу Ванцзюнь?

Фу Цинчжан слегка прищурился, погрузившись в раздумья:

— Это мой отец.

Он спросил:

— У тебя к нему дело?

— ...

Жуань Чжи открыл рот, но от неловкости не знал, что ответить. Фу Цинчжан перестал его разыгрывать:

— Меня зовут Фу Цинчжан. Цин — как в вечнозеленом, Чжан — как в статье.

Жуань Чжи опустил голову и тихо пробормотал:

— Простите... Меня зовут Жуань Чжи.

— Я знаю. Это я велел тебя привезти.

Жуань Чжи поднял взгляд. Фу Цинчжан смотрел на него внимательно, с мягкой, сдержанной улыбкой. Для других это могло показаться редким выражением, но Жуань Чжи видел его не впервые. Три года назад, когда они были за границей, Фу Цинчжан точно так же смотрел на него. Тогда в глубине глаз этого человека словно таился маленький огонек, и он всегда казался готовым к чему-то решительному. Сейчас он стал гораздо сдержаннее.

Воспоминания были не из приятных, и всякий раз, думая о них, Жуань Чжи злился. Но времена изменились. Получив несколько отказов, он научился быть покладистым.

— Спасибо, что привезли меня.

Он пришел сюда просить о помощи и должен был взять инициативу в свои руки, поэтому сразу перешел к делу:

— Я пришел сегодня из-за моего отца, Чэнь Цзя... Он не хотел ничего плохого, он не собирался совершать преступление. Он просто совершил ошибку, которая привела к убыткам. Вы можете ему помочь?

Фу Цинчжан сделал глоток кофе. Если бы перед ним был кто-то другой, он бы наверняка осыпал его холодными профессиональными терминами. Но Жуань Чжи выглядел таким жалким и совершенно не разбирался в бизнесе, поэтому Фу Цинчжан придержал эти слова, заменив их другими:

— Не волнуйся. Я знаю, как лучше всего ему помочь, и сделаю так, чтобы он вышел на свободу и вы воссоединились.

Глаза Жуань Чжи ярко блеснули. Однако для него эти слова прозвучали скорее как условие сделки.

— Спасибо вам... — Жуань Чжи дрожащим голосом поблагодарил его, весь сжавшись от

напряжения.

Он начал гадать, каковы причины такой щедрости Фу Цинчжана... Неужели все будет так же, как три года назад? В этот момент вошел дворецкий с молоком. Заметив, что Жуань Чжи кутается в рукава, он заботливо спросил:

— Нужно сделать температуру кондиционера выше?

Жуань Чжи поспешно замотал головой и смущенно ответил:

— Нет, спасибо, не нужно.

Фу Цинчжан тоже заметил, что гостю холодно, и жестом велел дворецкому принести шарф с полки. Широкий черный шерстяной шарф лег на плечи, а дворецкий поднес чашку к его рукам:

— Молоко горячее, оно поможет согреться.

Жуань Чжи принял чашку, и стало действительно теплее, но его лицо от этого покраснело еще сильнее, а голос стал совсем тихим:

— Спасибо.

Фу Цинчжан взглянул на датчик температуры, показывающий двадцать семь градусов, а затем снова посмотрел на Жуань Чжи и нахмурился:

— Почему ты так боишься холода?

Жуань Чжи не ответил. Он робко взглянул на него и, запинаясь, произнес:

— Спасибо вам, но... как я могу вас отблагодарить?

К концу фразы Жуань Чжи опустил глаза, а пальцы, сжимавшие чашку, побелели от напряжения. Фу Цинчжан сразу понял: дело не только в холоде. Сейчас Жуань Чжи был похож на напуганного кролика. Но Фу Цинчжан никогда не любил отказывать себе в желаниях. Он прямо сказал:

— Если хочешь отблагодарить, то я уже говорил об этом три года назад. Думаю, ты помнишь.

Фу Цинчжан понизил голос, но произнес это очень отчетливо:

— Я сказал, что очень хочу спать с тобой.

— ...

В голове словно прогремел гром. Надежда, которая еще теплилась, окончательно погасла. Одно дело — думать об этом, и совсем другое — услышать вслух. Жуань Чжи было так неловко, что он готов был провалиться сквозь землю. Он не был настолько наивным, чтобы верить, будто речь идет о том, чтобы просто укрыться одеялом и поболтать, да и Фу Цинчжан явно имел в виду другое.

Наблюдая за тем, как Жуань Чжи из растерянного превращается в пунцового, а затем смотрит на него с испугом и замешательством, Фу Цинчжан спросил снова:

— Можно?

Он был бесчувственной рабочей машиной и не любил тратить время на то, чтобы заботиться о чужих эмоциях. Ему нравилось относиться ко всему как к сделке. А кто именно находится напротив — было, кажется, не так уж важно. Дворецкий уже ушел, и перед ним остался лишь один изысканный джентльмен, с нетерпением ожидающий ответа.

На мгновение Жуань Чжи перестал слышать что-либо, кроме собственного бешено бьющегося сердца.

<http://bllate.org/book/21816/2258482>